

УДК: 711.58

ББК: 85.118.202

DOI: 10.18688/aa2212-05-36

А. В. Васильева

Композиционные приёмы в организации жилых кварталов в Москве и Ленинграде второй половины 1920-х – начала 1930-х годов

Тема определения не только утилитарной, но исторической и культурной ценности массового жилищного строительства на всём пространстве Восточной Европы в последние годы приобретает всё большую актуальность. Проблема реконструкции жилого фонда, возраст которого приближается к столетнему порогу, требует грамотного и взвешенного разрешения, учитывающего множество факторов. Подобные задачи привлекают внимание историков и архитекторов к изучению генезиса массового жилищного строительства. Особенно важным нам видится выявление его специфики не только между разными странами, но и между отдельными регионами и городами. В последние годы появляются исследования, посвящённые региональным особенностям застройки городов в советский период (отдельные исследования посвящены архитектуре и градостроительству Архангельска, Магнитогорска, Самары, Нижнего Тагила, Ярославля, Нижнего Новгорода, а также Ленинграда и Москвы). И если московская ситуация в разных аспектах становилась объектом исследовательского внимания, то архитектуре Ленинграда, особенно специфике массового жилищного строительства, посвящено меньшее количество работ. Наиболее ценными в этой области представляются труды Б. М. Кирикова и М. С. Штиглиц [9], а также С. В. Семенцова [24].

Угроза уничтожения, нависшая над жилой застройкой рубежа 1920-х — 1930-х гг. и в Москве, и в Санкт-Петербурге подвигла специалистов к подготовке трудов, раскрывающих её ценность. В монографиях [25; 12], путеводителях [16], каталогах выставок [2] и статьях [3; 17] показано разнообразие стилистических решений жилых комплексов и отдельных домов указанного времени, раскрыты особенности проектирования и строительства объектов, продемонстрирован потенциал жилой среды при соответствующем бережном отношении и грамотном восстановлении. Развитие жилищной архитектуры соотносится с изменениями градостроительных концепций реконструкции городов [5].

Но сложившееся обывательское отрицание ценности подобной застройки, вызванное, главным образом, не лучшими условиями эксплуатации, в том числе и со стороны самих жителей, длительным отсутствием капитального или косметического ремонта, в сочетании с высокой стоимостью земли под ней, подвигают городских властей к её уничтожению с последующей более плотной застройкой территорий. Увы, ряд жилых домов и комплексов в результате голосования жителей вошли в московскую программу реновации и уже стоят в очереди на уничтожение. В существующей практике

при принятии решений о судьбе объекта, каждый жилой дом в составе единого комплекса рассматривается как самостоятельная единица, что нередко ставит под угрозу не только уничтожение отдельных зданий, но и целостных градостроительных единиц. Жилые комплексы и складывающиеся из них жилые массивы были уникальным типом городской застройки второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. При этом выявлению характерных этапов развития жилых комплексов, определению композиционно-планировочных подходов и приёмов уделено довольно мало исследовательского внимания.

Целью данной статьи является выявление этапов развития и попытка дать объяснение происходящим изменениям в организации массовой капитальной жилой застройки в ленинградской и московской практике второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. К задачам исследования относятся: выделение ключевых государственных установок в жилищном строительстве, определяющих вектор его развития в рассматриваемый период; определение этапов развития жилых комплексов и складывающихся из них жилых массивов как специфических типов городской застройки; определение специфики композиционных приёмов организации застройки в Москве и Ленинграде на каждом этапе.

Проблема обеспечения жилищем широких слоёв городского населения вошла в сферу государственных интересов уже в первые месяцы советской власти. Отмена частной собственности на землю и недвижимость в городах в августе 1918 г. [8] поставила под государственный контроль обращение с наличным жилым фондом и новое строительство. Вместе с формированием основ советской жилищной политики развитие жилищно-строительной сферы начало регулироваться государственными установками, которые озвучивались в разных формах. Эти установки вытекали из текущей экономической и политической ситуации, оценки возможностей развития жилищной сферы в зависимости от роста и развития промышленности, полноценного функционирования крупных городов и ряда других факторов. Но они неизбежно накладывались на сложившуюся систему землеотвода и планы развития территорий, доминирование той или иной формы финансирования нового строительства, фактическую жилищную обеспеченность населения и множество других факторов. В совокупности с местными архитектурными школами и устоявшимися подходами к организации городской застройки складывалась местная специфика жилищного строительства, которая могла довольно сильно различаться между городами.

Несмотря на стремление государства к тотальному контролю в жилищной сфере, что подробно описано в трудах М. Г. Мееровича [13], реальная экономическая ситуация в 1920-х гг. вынуждала идти на уступки частным инициативам и капиталу. К 1924 г., по мере разворачивания НЭПа, структура форм финансирования нового строительства достигла своего максимального развития. В крупных городах разрешалось муниципальное и ведомственное строительство, общегражданская, рабочая и ведомственная кооперация, строительство за счёт средств частных застройщиков [19; 20]. Все эти формы финансирования отличались условиями кредитования, рекомендациями к размещению на территории города, сроками пользования жилплощадью, правом её наследования. Такая система должна была максимально разгрузить местный бюджет от бремени расходов на содержание и строительство, однако контроль по-прежнему оста-

вался за государством (подробно тема контроля властью жилищной кооперации рассматривается в трудах М. Г. Мееровича [14]).

В 1925 г. был объявлен переход к курсу на индустриализацию страны, что отразилось на установках в жилищно-строительной сфере. Москва и Ленинград расценивались как крупнейшие промышленные города, что актуализировало задачу развития жилищного строительства для расселения рабочих. Требования повышения эффективности вложенных в строительство средств, а также соблюдения строжайшей экономии, прозвучавшие на XIV конференции РКП(б) и на XIV съезде РКП(б) — ВКП(б) [10, с. 72, 42], повлияли и на характер развития городского жилищного строительства. Утвержденные планы были скорректированы в сторону увеличения объёмов капитального многоэтажного строительства [18]. Именно капитальная застройка позволяла давать максимальную плотность населения, что делало более окупаемым подведение всех необходимых городских коммуникаций. Увеличенные по сравнению с облегчённым строительством сроки эксплуатации также делали капитальную застройку экономически более выгодной в долгосрочной перспективе.

В период подготовки к переходу к плановой экономике, который был провозглашён на XV съезде ВКП(б) в 1927 г., постоянно подчёркивалась острота жилищного кризиса и выдвигались требования повышения обеспечения жилой площадью именно рабочего населения. В этот же период впервые появились установки «перестройки быта на социалистических рельсах» [21], которые однозначно связывались с внедрением коллективного быта. Обобществлённое бытовое обслуживание позволяло бы привлечь женский труд на производство, регулировать снабжение, а в плане строительства экономить на подсобной и хозяйственной площади квартир. Иными словами, обобществление быта представлялось действенной мерой удешевления строительства. С этой же целью требовалось провести укрупнение и концентрацию строительства всех категорий.

В период первой пятилетки ключевые установки в жилищно-строительной сфере также были направлены на увеличение объёмов жилой площади для расселения рабочих. Но тяжелейшая экономическая ситуация, вызванная переборской средств в промышленности, не могла не повлиять на требования к жилищному строительству. Выполнение показателей первой пятилетки в четыре года должно было обеспечиваться, по указанию партии, проведением в жизнь рационализации, стандартизации, поднятием производительности труда и снижением себестоимости строительства. Согласно резолюции XVI съезда ВКП(б) 1930 г., улучшение материального положения рабочих должно было выражаться в первоочерёдности строительства жилищ, культурных и социально-бытовых учреждений (столовые, клубы, ясли, прачечные, бани и т. п.) в важнейших фабрично-заводских районах. [10, с. 553]. При этом требования удешевления строительства и его рационализации повторялись всё так же часто и настойчиво. На этом этапе обострилось противоречие между мажорными установками и реальной тяжелейшей экономической ситуацией.

Во второй половине 1920-х гг. Москва оказалась равномерно окружена кольцом жилых кварталов, среди которых есть и небольшие комплексы, и достаточно крупные образования. В соответствии с утверждёнными планами на текущий строительный сезон, строительство капитальных жилых домов в сколько-нибудь значимых для города

объёмах началось в 1925 г. На свободной территории застройщикам выделялись соседние участки сравнительно небольшой площади (0,5–1 га). Площадь и конфигурация этих участков соответствовала сложившейся ещё в дореволюционный период системе домовладений. Увеличенная площадь участков и стремление обеспечить нормальную инсоляцию и проветриваемость, обуславливала их застройку компактными жилыми комплексами с достаточными разрывами между строениями. Первые объекты состояли из 2–3 корпусов с внутренним просторным двором или центральным проездом. Они представляли собой замкнутые симметричные композиции, которые практически не имели планировочных связей с окружением. Жилые дома состояли из 3–4 жилых секций, высотой в три или четыре этажа, что позволяло не устаивать лифт. Именно сомасштабность строений, несмотря на отсутствие композиционно-планировочных связей между соседними комплексами, создаёт ощущение целостности застройки. Такой масштаб строительства был востребован, кроме муниципального, когда городской бюджет не имел достаточных объёмов, ещё и в маломощной развивающейся рабочей кооперации ((корпуса РЖСКТ на Русаковской ул., № 2\1, арх. Б. Я. Улинич, 1925–1926), и в достаточно закрытом сегменте ведомственной кооперации (жилой комплекс ОГПУ на ул. Русаковской, 7, арх. Б. М. Иофан, 1925–1926). В основе планировочных решений домов в муниципальном строительстве и рабочих кооперативах лежала утверждённая Моссоветом на текущий сезон типовая секция. Первые секции имели по четыре квартиры без ванн на этаже. На все фасады дома выходили и жилые комнаты, и подсобные помещения квартир, что отражалось и в их одинаковом композиционном решении. Фасады зачастую имели достаточно мелкую пластическую проработку с балконами, имитацией пиллястр, тягами, имитацией ленточного остекления, выполненного с западением уровня кирпичной кладки и выкраской в контрастный цвет.

В строительном сезоне 1927 г., под влиянием установок на укрупнение, площадь выделяемых для московского рабочего строительства участков была увеличена. Участки для муниципального строительства и крупных жилищных кооперативов площадью от 3 до 7 га могли занимать квартал или несколько кварталов. Но при этом отдельные корпуса по-прежнему состояли в среднем из 3–4 секций. Разница масштабов жилых комплексов 1925–1926 и 1927–1928 гг. хорошо видна в жилом массиве на Колодезной улице. Более ранний жилой комплекс из четырёхэтажных домов на ул. Короленко 7 (арх. М. И. Мотылев) имеет более компактное планировочное решение с центрально-симметричной композицией. Расположенный рядом на укрупненном участке жилой комплекс пятиэтажных домов на ул. Колодезной 7, построен по проекту того же архитектора. В основе планировки он имеет две взаимно перпендикулярные оси. Продольная пешеходная ось комплекса могла бы быть соотнесена с центральной осью более раннего комплекса, но связи они не имеют. Это говорит о сложившемся в Москве подходе к проектированию застройки участка как изолированного объекта, без создания выраженных планировочных связей с окружением.

Задачи удешевления строительства и его рационализации побуждали московских архитекторов к поиску путей уплотнения застройки с соблюдением всех основных санитарно-гигиенических требований. Первым путём было усложнение конфигурации корпусов и увеличение их количества на участке, застройка внутриквартальной терри-

тории (наиболее крупным целостным жилим массивом, построенным по этому принципу, является «Нижняя Пресня», архитекторы основной части В. И. Бибиков, Н. Малинин, А. В. Куровский, Б. Н. Блохин, 1927–1928). Вторым путём было применение корпусов простой прямоугольной конфигурации и поиска путей их рациональной постановки, создававшей протяжённые перспективы (самым известным примером является Хавско-Шаболовский массив между ул. Шаболовской, Серпуховским валом, Лестева и Хавской, Бригада АСНОВА: Н. Травин, В. И. Бибиков и др., 1927–1930).

Уже на этом этапе стала очевидна неизбежность коммунального заселения квартир в новых капитальных многоэтажных домах. Под влиянием требований врачей-гигиенистов архитекторы искали планировочные решения секций, обеспечивающие хоть сколько-нибудь здоровые условия проживания и нормальную эксплуатацию домов. Произошёл переход к доминированию двухквартирной жилой секции со сквозным проветриванием квартир и инсоляцией всех помещений. На один фасад выводились исключительно жилые комнаты, а на другой — кухни, освещавшиеся прямым светом санузлы и подсобные помещения, и некоторые жилые комнаты. Это позволило вернуться к привычной практике проектирования парадных и дворовых фасадов корпусов с разными типоразмерами окон. В свою очередь появлялось и функциональное разделение пространства квартала на чистые парадные и хозяйственные зоны, что было важной чертой московской практики. Несмотря на постоянно звучавшие требования внедрения обобществлённого быта в практику строительства, вводился он весьма умеренно. Лишь в отдельных объектах в первые этажи встраивались детские сады и детские ясли, редкие примеры культурно-бытовых учреждений. Фактически призывы к обобществлению быта сводились к доминированию коммунального заселения.

В период первой пятилетки, несмотря на требования увеличения объёмов жилой площади для расселения рабочих, объёмы строительства жилых комплексов капитальных секционных домов сначала были резко сокращены, а затем их строительство было вовсе прекращено. Необходимость всемерного удешевления строительства привела к доминированию строчной застройки. Если проектами закладывались большие объёмы нового строительства на участках площадью 5–10 га, состоящих из нескольких кварталов, то реализацию нашли лишь небольшие фрагменты. Комплексы строчной застройки включают в себя от трёх до пяти зданий. Пятиэтажные корпуса простой прямоугольной конфигурации состояли из трёх-пяти секций. Отделка фасадов практически отсутствовала. Применение разных типов окон, размер которых соотносился с площадью помещений (на фасаде выявлялась функционально-планировочная структура квартир) позволяло сохранить принцип функционального разделения дворовых пространств даже в строчной застройке (жилой квартал на ул. Писцовой, 16, арх. О. А. Старан, Г. П. Карпинский, 1930–1931). Несмотря на повсеместно звучавшие на этом этапе установки «социалистической реконструкции быта», требования приближения к жилью предприятий бытового обслуживания не находили реализации по причине тотального дефицита финансирования и строительных материалов. Установки «социалистической реконструкции быта» и увеличения новой жилой площади для расселения рабочих на практике сводились к возведению колоссальных объёмов облегчённого строительства

с коммунальным заселением, практически без благоустройства и нормальных бытовых удобств.

В 1925 г. строительство капитальных квартирных домов началось и в Ленинграде. Но принципиальным отличием ленинградской ситуации от московской было наличие генеральных планов развития города и отдельных его участков [23]. Крупнейший специалист в области градостроительного развития Санкт-Петербурга—Ленинграда С. В. Семенцов указывает, что в Ленинграде последовательно создавалась не имевшая аналогов в масштабах всей страны градостроительная школа, формировавшая свои традиции и подходы к проблемам развития всего города [23, с. 139]. Такая ситуация обуславливала изначально заложенную возможность встраивания новых объектов жилищного строительства в городскую ткань с учётом архитектурно-планировочных связей с окружением.

Одним из ключевых факторов выделения территорий под массовое жилищное строительство был уровень развития транспорта, который должен был как обеспечивать саму стройку, так и создавать возможность переездов жителей к местам работы. Транспортная проблема вынуждала размещать участки для жилищного строительства вблизи промышленных предприятий, что создавало нездоровую экологическую ситуацию. Специфическим для Ленинграда фактором была затопляемость территорий. Для обеспечения большей концентрации строительства, которая позволяла более эффективно задействовать строительные механизмы, рационализировать логистику, не распылять средства для устройства множества строительных площадок, жилищное строительство концентрировалось на незначительном количестве участков увеличенной площади в каждом районе города.

Новые объекты жилищного строительства должны были формировать собой новое ядро, вокруг которого будет развиваться фрагмент городской ткани. Первой была реализована застройка на Тракторной улице (арх. А. И. Гегелло, А. С. Никольский, Г. А. Симонов, 1925–1927) и в Палевском городке (арх. А. И. Зазерский и Н. Ф. Рыбин, 1925–1928). Общие планировочные приёмы были близки с московскими примерами этого же периода: выделение центрального проезда-улицы и обрамление дворового пространства. Но, в отличие от московских комплексов из 3–5 зданий, они состоят из 12–19 корпусов, не считая продолжающей эти образования более поздней застройки. По сложившейся с дореволюционных времён традиции жилые комплексы формировали собой целый протяжённый фрагмент улицы, что обуславливало специфику архитектуры домов и связей между ними.

Как и в Москве, дома на этом этапе имели высоту три-четыре этажа. В Палевском городке были и двухэтажные корпуса. Если московские архитекторы стремились к функциональной связи квартир и внутриквартальных пространств, то в Ленинграде был иной подход. Несмотря на наличие гораздо более значимых и выраженных планировочных осей застройки, корпуса были расставлены параллельно друг другу, а не зеркально, относительно этой оси. На одну сторону улицы были обращены жилые комнаты, а на другую — комнаты, кухни и освещённые санузлы. Принципы планировочной организации застройки были связаны не со стремлением создать симметричную застройку улицы или центрального пространства, а с задачей обеспечения равных условий освещённости всех квартир в комплексе.

Задача создания целостного фрагмента городской ткани подвигала архитекторов к организации композиционных связей и перспектив застройки. Створы улиц и планировочные оси участков в ленинградской практике обязательно имеют осмысленное композиционное завершение. На Тракторной улице в створе оказывается гигантская полуарка, подчёркнутая контрастным ритмом маленьких квадратных окон. В Палевском массиве ось замыкается корпусом более поздней постройки с повышенным аттиком над остеклением лестничной клетки. Центральные оси боковых внутриквартальных пространств так же замыкаются жилыми корпусами с тем же приёмом соосного расположения лестничных клеток.

Уже в первые жилые массивы сразу же встраивались корпуса с предприятиями бытового обслуживания и детскими учреждениями [6]. Эти корпуса имели своё планировочное место, тем самым образуя целостную функционально-пространственную жилую среду. Важное композиционное значение имело озеленение дворовых территорий. В отличие от московской практики, где зелёные насаждения носили довольно подчинённый характер, в ленинградском строительстве они были частью общей системы. Деревья должны были создавать живописный фон, приятно оттеняющий простые геометрические объёмы строений. Уже в первых примерах комплексной застройки архитекторами применялись арки и полуарки, которые помогали создать визуальную связь, и, в то же время, подчеркнуть контраст между шумной улицей и уютным озелённым внутриквартальным пространством. И, наоборот, через эти же элементы открывались выразительные ракурсы на городскую застройку. С. В. Семенов выделяет особый «мембранный» тип застройки кварталов [22, с. 209].

Ориентация на традиционные для Санкт-Петербурга приёмы планировочной организации территории особенно ярко проявились в застройке на ул. Ткачей (арх. Д. П. Бурый и Л. М. Тверской, 1926–1927). В основе её лежит система улиц и внутриквартальных проездов, образующая хрестоматийное для Петербурга трёхлучие. В тихих дворовых пространствах расположены детские сады. Общую планировочную задумку повторяет и более позднее строительство (ул. Ткачей, 46–56). Но масштаб у этой застройки уже иной — прямоугольные дворовые пространства обрамляют вытянутые пятиэтажные жилые корпуса. Но и здесь средние оси дворовых пространств акцентированы вертикалями лестничных клеток центральных подъездов жилых корпусов, которые западают относительно общей плоскости фасада и выкрашены в контрастный тон. Даже минимальными средствами ленинградские архитекторы старались создать целостную архитектурно-пространственную жилую среду.

В отличие от Москвы, где на этапе 1927–1929 гг. наблюдалось увеличение масштабов жилых комплексов, в Ленинграде закладывались довольно компактные образования. Но кубатура отдельных зданий, относительно объектов предыдущего этапа была увеличена, что соответствует общим установкам на укрупнение строительства. Относящиеся к этому времени комплексы на ул. Трефолева (Стачек) и Фарфоровской представляют собой четырёх-пятиэтажные комплексы. Корпуса стоят по периметру двора подквадратной формы с небольшими пешеходными проходами по углам. Простая конфигурация корпусов и планировочное решение вполне отвечает актуальным тогда установкам на рационализацию строительства. Такое превращение комплексов

в локальные, довольно замкнутые образования мы можем связать с развитием кооперативного движения и появлением застройщиков, которым была удобна и полезна целостная застройка таких сравнительно небольших участков. Крупные промышленные предприятия, существовавшие ещё с дореволюционных времён, позволяли трудовому населению вкладываться в промышленную рабочую кооперацию, активно поддерживаемую как раз в этот период.

Если в период первой пятилетки в Москве наблюдалось резкое сокращение объёмов капитального строительства для массового расселения, то в Ленинграде, напротив, можно констатировать пик строительства жилых комплексов, которые разрослись до масштабов жилых массивов. Форсированное развитие крупной ленинградской промышленности повлекло за собой новый виток жилищного кризиса, обусловленный колоссальным притоком рабочих на предприятия. За 1927–1930 гг. население Ленинграда возросло на 32 %, а жилфонд всего на 6,5 %; в результате средняя душевая обеспеченность упала на 22 %. Жилстроительство в Ленинграде составляло всего 16–17 % от минимальной потребности [15, с. 18–19]. К началу 1930-х гг. средняя жилая площадь упала до 5,5 кв. м. [7]. При этом дефицит строительных материалов не позволял развернуть строительство даже в плановых объёмах, которые были рассчитаны исключительно из текущей жилищной нужды, без учёта прибывающего населения [11].

Но в отличие от Москвы, резко перешедшей к доминированию стандартного облегчённого строительства, в Ленинграде выход из сложившейся ситуации виделся в твёрдом следовании намеченному курсу на развитие капитального строительства на отведённых согласно планам развития города территориях. С целью более эффективного использования строительных механизмов, прокладки дорог и доставки материалов площадь новых строительных участков была увеличена до 12–15 га. Для осуществления укрупнённого строительства требовались и соответствующие объёмы финансирования, которые не могли обеспечиваться из единого источника. Поэтому в общий котёл вливались и средства города, и средства рабочей жилищной кооперации, которая по-прежнему развивалась на крупных предприятиях, и собственные средства предприятий (приводились цифры, что участие промышленности в финансировании жилстроительства составляло всего 3,5 % от всех вложений в этот сегмент) [15, с. 22]. Но в результате недифференцированного порядка финансирования дома не имели чёткой принадлежности, а жилая площадь в законченных объектах распределялась пропорционально вложенным средствам. Среди рабочих она распределялась в порядке очереди, в результате чего люди из разных предприятий могли получить жилую площадь не рядом со своим местом работы, а на другом конце города. Такая практика усложняла транспортную ситуацию в городе и быт населения.

Установки на укрупнение строительства проявились и в увеличении кубатуры жилых домов. Отличительной особенностью ленинградской практики этого периода является и повышенная длина корпусов (самый длинный дом на ул. Бабушкина, 61 имеет 22 подъезда и общую длину около 400 м). Историки архитектуры связывают такое увеличение длины со стремлением архитекторов к возвращению к характерному петербургскому принципу застройки периметра квартала сплошным фасадом, но были и другие причины. Увеличение длины корпуса помогало экономить на устройстве наружных тор-

цевых стен, что в условиях тотального дефицита финансирования и строительных материалов было очень актуально.

Для удешевления строительства и увеличения выхода жилой площади в новых домах изменились планировочные решения типовых секций, которые повсеместно лежали в основе домов. Для корпусов, квартиры в которых заведомо были ориентированы на коммунальное заселение, были установлены очень жёсткие коэффициенты соотношения жилой площади к общей. Необходимость их соблюдения привела к переходу преимущественно к строительству секций с трёхкомнатными квартирами со сквозным проветриванием, площадью 50 и 55 кв. м [1]. Кухни были минимизированы до 5,5–6 кв. метров, а под влиянием популярных в то время идей обобществления быта постоянно высказывались предложения об их полном уничтожении. Многие корпуса были запроектированы без ванн, только с туалетами и умывальными в квартирах. Для удешевления строительства в конце 1920-х гг. были стандартизированы окна и двери — на всех объектах жилищного строительства применялось всего два типа окон и пять типов дверей. Качество строительных материалов постоянно ухудшалось. Дефицит кирпича вынуждал к постоянному сокращению толщины стен путём применения новых видов кладок. Такая ситуация привела к предельному упрощению фасадов жилых домов, которые нередко на этом этапе оставались даже без штукатурки.

Под влиянием неумолимых экономических факторов в начале 1930-х гг. от создания живописных перспектив улиц и уютных дворовых пространств произошёл переход к равномерной строчной или периметральной застройке. Увеличение кубатуры жилых домов влекло за собой увеличение площади дворовых пространств, что в совокупности рождало ощущение особой масштабности застройки. Укрупнённые участки нового строительства могли разбиваться на два-три жилых комплекса, которые имели между собой выраженные планировочные связи. Комплексы с периметральной застройкой имели геометрически правильные формы — треугольные, квадратные, прямоугольные, что должно было способствовать облегчению строительного процесса. При этом сохраненные принципы ориентации помещений квартир по сторонам света, а не сообразно композиции, обусловило отсутствие функционального зонирования внутриквартального пространства. Особое значение планировочные связи приобретали при пешем движении через кварталы. Проходные арки в корпусах повышенной длины направляли взгляд человека на нужные ракурсы и объекты. Даже в упомянутом 22-подъездном доме арка расположена не посередине корпуса, что при такой длине было бы оправдано, а в его западной трети, строго по центральной оси выстроенного чуть раньше жилого комплекса. Со значительным смещением относительно центра корпуса расположены арки и Батенинского жилого массива (арх. Г. А. Симонов, Б. Р. Рубаненко, Т. Д. Каценеленбоген, А. Р. Соломонов, П. С. Степанов, В. А. Жуковская, 1930–1933 гг.). Их размещение было нацелено не столько на движение жителей внутри заданного квартала, сколько на обеспечение сквозного пешеходного прохода сквозь целую цепь кварталов от ул. Кантемировской до ул. Литовской. Композиционно арки в корпусах к центральной части квартала акцентированы далеко выступающим треугольным эркером на мощных опорах. На ул. Турбинной арки в жилых корпусах ведут пешехода строго на главную ось бань «Гигант».

Ленинградские практики просчитывали визуальные перспективы и восприятие внутриквартального пространства комплекса и для достаточно композиционно примитивной строчной застройки. При равномерном ритме длинных корпусов (например, на ул. Турбинной д. 5 — д. 15, арх. А. И. Гегелло, А. С. Никольский, Г. А. Симонов, 1931–1932), взгляд зрителя останавливался либо протяжённым периметральным жилым корпусом, либо поворотом под прямым углом последней жилой секции. Аналогичные по масштабам примеры комплексов строчной застройки в московской практике представляли собой случайно выхваченные фрагменты застройки, не имеющие планировочных связей ни с окружением, ни внутри себя.

Если в московской практике периода первой пятилетки тема коллективного бытового обслуживания, несмотря на всю её популярность, за исключением редких примеров не нашла своей реализации, то в Ленинграде наряду с увеличенным масштабом жилищного строительства происходило и строительство соответствующих объектов городской инфраструктуры. Здания с общественно-бытовыми функциями были не подчинёнными элементами, почти незаметно интегрированными в жилую застройку, а важными планировочными центрами и композиционными ядрами. Большая плотность населения в новых массивах обеспечивала необходимую нагрузку на банно-прачечные комплексы, фабрики-кухни, школы и детские сады, клубы и дома культуры, которые также, следуя установкам времени, имели повышенную вместимость. Приближены к жилым массивам были и учреждения здравоохранения — амбулатории, больницы, профилактории, диспансеры. Общественные учреждения были расставлены так, что замыкали собой перспективы не только улиц, но и жилых кварталов. Детские учреждения и небольшие предприятия бытового обслуживания композиционно и функционально интегрировались в жилую застройку, создавая собой некий архитектурный и пространственный акцент (Батенинский жилой массив). Но естественная для того времени многосезонность строительства предопределяла тот факт, что сначала возводились и заселялись дома, функциональный состав квартир в которых был рассчитан на предприятия обобществленного быта, а уж потом начиналось возведение этих самых предприятий [26]. И в 1930-х гг., городские учреждения выполняли не только важную функционально, но и ключевую композиционную роль.

Строительство жилых массивов, которые в Ленинграде должны были разрастись до особого типа городской застройки — жилконцентров, фактически было остановлено в начале второй пятилетки. Вместе с директивным переходом к принципам «освоения населения» и изменением приоритетов в распределении объектов нового строительства и их типологии завершился этап развития капитального жилищного строительства для массового расселения. Продолжены заложенные идеи будут уже в послевоенный период, когда жилые комплексы и массивы рубежа 1920-х — 1930-х гг. станут планировочными ядрами формирования жилой застройки периферийных территорий города.

Итак, развитие массового капитального жилищного строительства в Москве и Ленинграде во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. отражало текущие государственные установки в этой сфере, но со своей спецификой. При анализе композиционных приёмов в организации капитальной жилой застройки можно выделить три этапа, которые чётко следуют государственным установкам.

На этапе 1925–1926 гг. можно выделить два типа композиции, существовавших в обоих городах: развитие застройки вдоль центральной оси — улицы или внутриквартального проезда, и обрамление свободного дворового пространства. Но в Москве практиковалось возведение небольших жилых комплексов, а в Ленинграде застройка улиц или целых кварталов. При схожести композиционных приёмов, масштаб строительных участков в Ленинграде был существенно выше, чем в Москве. Но этажность и кубатура отдельных жилых корпусов в Ленинграде была меньше, чем в московской практике.

На этапе 1927–1928 гг. произошло разделение композиционных подходов, что можно объяснить ориентацией на разные формы финансирования строительства. В Москве произошло укрупнение строительных участков, что повлекло новые усложнённые композиционные приёмы организации застройки с выделением основных и подчинённых композиционных осей. Усложнялась и конфигурация корпусов. В Ленинграде, напротив, уменьшилась площадь отводимых под застройку целостных комплексов участков, композиции были сведены к почти сплошной застройке прямыми корпусами периметра внутреннего двора правильной формы. Этажность и кубатура жилых корпусов в Москве и Ленинграде были сопоставимы друг с другом.

На этапе 1929–1932 гг. произошло сближение композиционных приёмов из-за тотального перехода к строчной застройке, но масштабы ленинградского строительства многократно превосходили московские. Принципиальным отличием ленинградских примеров было стремление к созданию композиционной целостности и завершенности как внутри одного квартала или комплекса, так и между соседними участками, несмотря на геометрическую простоту рисунка застройки. Московские примеры по-прежнему оставались локальными фрагментами застройки без композиционно-планировочных связей с окружением. Средняя кубатура жилых корпусов вследствие их значительной протяженности в Ленинграде была гораздо выше, чем в Москве, что сильно влияло и на специфику построения композиций, и на их восприятие.

Таким образом, в Москве можно констатировать сложение устойчивого принципа работы с отдельно взятым участком, без учёта композиционно-пространственных связей с окружением. При этом внутриквартальное пространство имело функциональное разделение на парадные и дворовые пространства, что соотносилось с планировочным решением жилых секций и архитектурой их фасадов. На всех этапах встраивание предприятий бытового обслуживания было редким и не оказывало значительного влияния на композицию комплексов и кварталов.

В Ленинграде, благодаря сформировавшейся ещё в дореволюционный период собственной градостроительной школе, жилые комплексы разрабатывались как фрагменты целостной городской ткани с архитектурно-пространственными и планировочными связями с окружением. При этом территории кварталов и комплексов не имели выраженного разделения на парадные и хозяйственно-дворовые пространства. Корпуса были ориентированы исходя из обеспечения равных условий освещённости во всех квартирах. Объекты городской инфраструктуры, которые возводились не всегда синхронно с жилой застройкой, имели укрупненный масштаб, становясь композиционными доминантами.

Литература

1. Александров В. Снижение стоимости жилищного строительства (из опыта работы Стройкома) // Вопросы коммунального хозяйства. — 1929. — № 5. — С. 25–37.
2. Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга: Каталог / Авт.-сост. М. Л. Макагонова. — СПб.: ГМИ СПб, 2008. — 264 с.
3. Васильев Н. Ю. К проблемам охраны жилых зданий периода первых пятилеток // Архитектура и современные информационные технологии. — 2018. — № 4 (45). — С. 193–202.
4. Вопросы современного жилищного и промышленного строительства: Труды Всесоюз. конференции по вопросам жилищного и промышленного строительства, созванной Госпланом СССР в Москве (5–10 мая 1925 г.). — М.: Плановое хозяйство, 1926.
5. Гранстрем М. А., Золотарева М. В. Градостроительное развитие Ленинграда 1920–1930-х годов // Градостроительство и архитектура. — 2021. — Т. 11. — № 3 (44). — С. 67–75. DOI: 10.17673/Vestnik.2021.03.11
6. Гранстрем М. А. Палевский жилмассив — элемент целостной среды жилой застройки Ленинграда 1920-х гг. // Жилищное строительство. — 2016. — № 8. — С. 36–39.
7. Гринблат Л. Я. Жилстроительство в особом квартале // Вопросы коммунального хозяйства. — 1931. — № 1. — С. 31.
8. Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 года «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1942. — С. 833–836.
9. Кириков Б. М., Штигилиц М. С. Архитектура ленинградского авангарда: путеводитель. — СПб.: Коло, 2018. — 311 с.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1953) / Ин-т Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК КПСС. 7-е изд. — М.: Госполитиздат, 1953. — 2 т.; Ч. 2: 1925–1953. 1953. — 1204 с.
11. Лифшиц Н. Пятнадцать лет жилищного хозяйства Ленинграда // Вопросы коммунального хозяйства. — 1932. — № 5. — С. 20–23.
12. Малинина Т. Г., Белинцева И. В., Броновицкая А. Ю. Массовое жилище как объект творчества. Роль социальной инженерии и художественных идей в проектировании жилой среды. Опыт XX века и проблемы XXI века. — М.: БуксМАрт, 2015. — 496 с.
13. Меерович М. Г. Жилищная политика в СССР с 1917 по 1941 гг. // Клио. Журнал для ученых. — 2009. — № 2 (45). — С. 65–78.
14. Меерович М. Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты) Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2004. — 274 с.
15. Новосельский Н. Контрольные цифры жилстроительства Ленинграда на 1931 год // Вопросы коммунального хозяйства. — 1930. — № 10. — С. 18–23.
16. Овсянникова Е. Б., Васильев Н. Ю., Воронцова Т. А. и др. Архитектура Москвы периода НЭПа и Первой пятилетки. Путеводитель. 12 маршрутов. — М.: Реставрация-Н, 2014. — 168 с.
17. Овсянникова Е. Б., Васильев Н. Ю. Массовая архитектура авангарда в Москве // Архитектура. Строительство. Дизайн. — 2011. — № 1 (62). — С. 80–83.
18. Пленум секции МУНИ. Доклад начальника МУНИ тов. Попова о плане жилищного строительства на 1925 год // Коммунальное хозяйство. — 1925. — № 4. — С. 105.
19. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР О жилищной кооперации (19 августа 1924г.) // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. — 1924. — № 5. — Ст. 60.
20. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ (16 мая 1924 г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО. — 1924 г. — № 5. — Ст. 170.
21. Резолюция XV съезда ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. — М., 1970 — С. 347.
22. Семенцов С. В. Формирование принципов сохранения архитектурно-градостроительного наследия Санкт-Петербурга на основе закономерностей его трехвекового градостроительного развития // Вестник СПбГУ. Серия 15. — 2013. — Вып. 2. — С. 190–211.

23. Семенцов С. В. Градостроительство Петрограда-Ленинграда: от революционного разгрома 1917–1918 годов к возрождению 1935 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. — 2012. — № 1. — С. 130–143.
24. Семенцов С. В., Акулова Н. А., Матвеева В. А. Типология жилой застройки Ленинграда 1920–1930-х гг. // Охрана и реставрация памятников культурного наследия: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции / Под ред. С. В. Семенцова. — СПб.: СПбГАСУ, 2018. — С. 114–137.
25. Соловьева Е. Е., Царева Т. В. Новые дома. Архитектура жилых комплексов Москвы 1920–1930-х годов. — М.: План, 2012. — 605 с.
26. Щербо П., Павлович А. За высокое качество новых жилищ // Вопросы коммунального хозяйства. — 1932. — № 12. — С. 10.

Название статьи. Композиционные приёмы в организации жилых кварталов в Москве и Ленинграде второй половины 1920-х — начала 1930-х годов

Сведения об авторе. Васильева, Анна Владимировна — старший преподаватель. Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Ярославское шоссе, 26, Москва, Российская Федерация, 129337. VasilievAnna@bk.ru ORCID:0000-0001-5364-1432

Аннотация. В статье приводится анализ характерных композиционных приёмов в застройке жилых кварталов массового капитального строительства Москвы и Ленинграда. Трансформация подходов к их композиции обуславливается изменениями государственных установок и экономической ситуации. Определено, что принципы распределения участков для нового строительства оказывали непосредственное влияние на организацию жилых кварталов. Разница подходов к построению композиции квартала объясняется особенностями понимания роли этих объектов в формировании городской ткани и связи их с городским окружением. Показано, что для московской практики характерно изолированное проектирование жилых комплексов, практически без связи с окружением. Но при этом внутри этих объектов наблюдается довольно выраженное функциональное зонирование с парадными и дворовыми пространствами. Ленинградская практика уже с первых примеров была ориентирована на создание целостного фрагмента городской ткани, включённого в окружение. Это включение происходит и с композиционной, и с функциональной точки зрения. При этом внутри кварталов отсутствует функциональное зонирование. Это обуславливается разными принципами организации планировок типовых жилых секций и условий размещения зданий на участке.

Ключевые слова: архитектура жилого дома, застройка, композиция, Москва, Ленинград, 1920-е годы, 1930-е годы

Title. Compositional Method in the Organization of Residential Quarters in Moscow and Leningrad in the Second Half of the 1920s — Early 1930s

Author. Vasileva, Anna V. — senior lecturer, Moscow State University of Civil Engineering, 26, Yaroslavskeye Shosse, 26, 129337, Moscow, Russian Federation. VasilievAnna@bk.ru ORCID: 0000-0001-5364-1432

Abstract. The article analyzes the characteristic compositional techniques in the construction of residential blocks of mass capital construction in Moscow and Leningrad. The transformation of approaches to their composition is caused by changes in state ideology and the economic situation. It is determined that the principles of allocation of land plots for new construction had a direct impact on the organization of residential areas. The difference in approaches to building the composition of a block is explained by the peculiarities of understanding the role of these objects in the formation of the urban fabric and their connection with the urban environment. It is shown that the Moscow practice is characterized by isolated design of residential complexes, almost without connection with the environment. But at the same time, there is a fairly pronounced functional zoning within these objects with front and courtyard spaces. The Leningrad practice from the very first examples was focused on creating a complete fragment of the urban fabric included into the environment. This inclusion occurs both from a compositional and functional point of view. At the same time, there is no functional zoning within the blocks. This is due to the different principles of organizing the layout of typical residential sections and the conditions for the arrangement of buildings on the site.

Keywords: residential building architecture, construction, composition, Moscow, Leningrad, 1920s, 1930s

References

- Akhmedova E. A.; Borisova E. P. Development of the Architectural and Planning Structure of the City of Samara in 1920–2000s. *Arkhitektura i stroitel'stvo Rossii (Architecture and Construction in Russia)*, 2016, no. 4, pp. 12–21 (in Russian).
- Akisheva D. V. Typical Wooden Architecture of Arkhangelsk in the First Half of the 20th Century. *Tekhnika. Tekhnologii. Inzheneriya (Technic. Technologies. Engineering)*, 2017, no. 2(4), pp. 76–79 (in Russian).
- Aleksandrov V. Reducing the Cost of Housing Construction (from the Experience of the Construction Committee). *Voprosy kommunal'nogo hozyajstva (Public Utilities Issues)*, 1929, no. 5, pp. 25–37 (in Russian).
- Granstrem M. A. Palevsky Housing Estate — An Element of the Integral Environment of the Residential Development of Leningrad in the 1920s. *Zhilishchnoe stroitel'stvo (Housing Construction)*, 2016, no. 8, pp. 36–39 (in Russian).
- Granstrem M. A.; Zolotareva M. V. Urban Planning Development of Leningrad in the 1920–1930s. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura (Urban Planning and Architecture)*, 2021, iss. 11, no. 3 (44), pp. 67–75. DOI: 10.17673/Vestnik.2021.03.11/ (in Russian)
- Grinblat L. Ya. Housing Construction in a Special Quarter. *Voprosy kommunal'nogo hozyajstva (Public Utilities Issues)*, 1931, no. 1, p. 31 (in Russian).
- Kirikov B. M.; Shtiglitz M. S. *Arkhitektura leningradskogo avangarda (Leningrad avant-garde Architecture)*. Kolo Publ., 2018. 312 p. (in Russian).
- Knyazev M. B.; Vassiliev N. Yu. Architecture of Departmental and Cooperative Residential Buildings of Interwar Moscow. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2019, no. 1 (46), pp. 41–45 (in Russian).
- Kosenkova Y. L.; Yakovleva G. N. Urban Planning Aspects of Housing Construction in the USSR: 1920–1950s. Malinina T. G. (ed.). *Massovoe zhilishche kak ob'ekt tvorchestva. Rol' sotsial'noi inzhenerii i khudozhestvennykh idei v proektirovanii zhiloi sredy. Opyt XX i problemy XXI veka (Mass Housing as an Object of Creativity. The Role of Social Engineering and Artistic Ideas in the Design of the Living Environment. Experience of the 20th and Problems of the 21st Century)*. Moscow, Buksmart Publ., 2015, pp. 198–228 (in Russian).
- Lifshits N. Fifteen Years of Housing in Leningrad. *Voprosy kommunal'nogo khoziaistva (Public Utilities Issues)*, 1932, no. 5, pp. 20–23 (in Russian).
- Makagonova M. L. (ed.). *Arkhitekturnaia grafika epokhi konstruktivizma v sobranii Gosudarstvennogo muzeia istorii Sankt-Peterburga (Architectural Graphics of the Constructivist Era in the Collection of the State Museum of History of St. Petersburg: Catalogue)*. St. Petersburg, The State Museum of the History of St. Petersburg Publ., 2008. 264 p. (in Russian).
- Makarova N. N. Stalinist Magnitka: General Trends in Urban Planning (1929–1953). Stas' I. N. (ed.). *Sibirskie stroiteli: sobytiya i sud'by (Siberian Builders: Events and Destinies)*. Kurgan, Kurgan Printing House Publ., 2017, pp. 426–441 (in Russian).
- Meerovich M. G. *Rozhdenie i smert' zhilishchnoi kooperatsii: Zhilishchnaia politika v SSSR. 1924–1937 (sotsial'no-kul'turnyi i sotsial'no-organizatsionnyi aspekty) (The Birth and Death of Housing Cooperation: Housing Policy in the USSR. 1924–1937 (Socio-cultural and Socio-organizational Aspects))*. Irkutsk, Irkutsk State Technical University Publ., 2004. 274 p. (in Russian).
- Meerovich M. G. Housing Policy in the USSR 1917–1941. *Klio (Clio. Journal for Scientists)*, 2009, no. 2 (45), pp. 65–78 (in Russian).
- Novosel'skii N. Control Figures of Leningrad Housing Construction for 1931. *Voprosy kommunal'nogo khoziaistva (Public Utilities Issues)*, 1930, no. 10, pp. 18–23 (in Russian).
- Ovsiannikova E. B.; Vasilyev N. Iu. Popular Architecture of Avant-Garde in Moscow. *Arkhitektura. Stroitel'stvo. Dizain (Architecture. Construction. Design)*, 2011, no. 1 (62), pp. 80–83 (in Russian).
- Ovsiannikova E. B. *Arkhitektura Moskvyy perioda NEPa i Pervoi piatiletki. Putevoditel'. 12 marshrutov (Architecture of Moscow during the NEP period and the First Five-year Plan: Guide. 12 Routes)*. Moscow, Restavratsiia-N Publ., 2014. 168 p. (in Russian).
- Sementsov S. V. Urban-Planning of Petrograd-Leningrad: Revolutionary Defeat of 1917–1918 to the Renaissance of 1935. *Vestnik of the Saint Petersburg University. Arts*, 2012, no. 1, pp. 130–143 (in Russian).
- Sementsov S. V. Introducing the Principles of Preserving the Architectural-Urban Development Heritage of Saint-Petersburg on the Base of Regulations of Its Three-Century Town Planning Development. *Vestnik of the Saint Petersburg University. Arts*, 2013, Vol. 2, pp. 190–211 (in Russian).

- Sementsov S. V.; Akulova N. A.; Matveeva V. A. Typology of Residential Development in Leningrad 1920–1930s. Sementsov S. V. (ed.). *Ohrana i restavratsiia pamiatnikov kul'turnogo nasledia (Protection and Restoration of Cultural Heritage Monuments)*. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2018, pp. 114–137 (in Russian).
- Shcherbo P.; Pavlovich A. For the High Quality of New Homes. *Voprosy kommunal'nogo khoziaistva (Public Utilities Issues)*, 1932, no. 12, p. 10 (in Russian).
- Shtin O. V.; Dekterev S. A. Constructivism in the Architecture of Housing in Nizhny Tagil. *Akademicheskii vestnik UralNIIProekt Rossiiskoi akademii arkhitektury i stroitel'nykh nauk (Academic Bulletin of UralNIIProekt of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences)*, 2013, no. 1, pp. 59–65 (in Russian).
- Solov'eva E. E.; Tsareva T. V. *Novye doma. Arkhitektura zhilykh kompleksov Moskvy 1920–1930s (The New Houses. Architecture of Residential Complexes of Moscow 1920–1930s)*. Moscow, Plan Publ., 2012. 605 p. (in Russian).
- Starostenko Yu. D. Development and Implementation of Projects for the Reconstruction of Soviet Cities in the 1930s and the Fate of the Heritage on the Example of Nizhny Novgorod and Yaroslavl. *Arkhitektura. Stroitel'stvo. Dizain (Architecture. Construction. Design)*, 2015, no. 3 (80), pp. 50–57 (in Russian).
- Starostenko Yu. D. Representation of the Ensemble in Soviet Architecture of the 1930s: Theory and Practice (on the Example of Moscow and Leningrad). *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo (Academia. Architecture and Construction)*, 2016, no. 2, pp. 35–40 (in Russian).
- Ul'ko A. S.; Aksenova A. A.; Yastrebova I. M. Methods of Forming Residential Buildings Based on the Principles of Russian Architecture of the Avant-garde Era of 1920–1930s. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2019, no. 1 (46), pp. 148–159 (in Russian).
- Vasileva A. V. Compositional Techniques in the Organization of Residential Quarters of Leningrad in the 1920s–1930s. *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie. Trudy Moskovskogo arkhitekturnogo instituta (Science, Education, and Experimental Design. Proceedings of the Moscow Architectural Institute)*. Moscow, Moscow Architectural Institute Publ., 2019, pp. 371–375 (in Russian).
- Vasileva A. V. Residential Area as an Independent Type of Residential Development in the First Third of the Twentieth Century. *Kul'turnoe nasledie Rossii (Cultural Heritage of Russia)*, 2018, no. 2, pp. 59–65 (in Russian).
- Vassiliev N. Iu. Problems of the First Five-Year Plans Residential Buildings Protection. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2018, no. 4 (45), pp. 193–202 (in Russian).